

Эскиз

Как трудно лошадь рисовать.

Бывает, что начнёшь,

Рисуешь храп, рисуешь статью,

И крупной рыси дрожь.

И блеск, и счастье, и полёт,

И дробный стук копыт,

И запах клевера, и мёд,

Который ливнем смывает.

Начнёшь, преодолев испуг –

Вперёд! И до конца!

Но Юрий Палыч скажет вдруг:

– Рисуй три "огурца".

Он скажет: "Это – голова
И туловище – вот.
А я спрошу: "А где трава?
И дышащий живот?"
Вот я лечу с вершины вниз.
А Юрий Палыч наш
Мне объясняет про эскиз
И точит карандаш.
Не знает он, в конце концов,
Про лошадь ничего.
И я галоп из "огурцов"
Рисую для него.

Лошадь белая

– Здравствуй, лошадь белая!
Что ты ночью делала?

Отвечает лошадь мне:
– Я гуляла при луне.

Шла по лугу вдаль, пока
Не попала в облака.

Над землёю, вот дела,
Я на облаке плыла.

И копытами слегка
Я взбивала облака.

Всё взбивала и взбивала,
Напевала, колдовала.

Приютившись на ночлег,
Сотворила первый снег.

Подружки

У чашки была подружка –
Кружка.
Чашка на кухне жила без хлопот,

А кружку брали в поход.
Каждый год.
Чашке было легко
Носить в себе молоко,
Какао или кефир.
А кружка смотрела мир.
И осенью и весной
В ней помещался чай
Лесной:
Хвоинка, брусничный листок
Из котелка кипятков,
Сахара два куска,
И облака.
А чашка вздыхала:
– Мне бы
Попробовать чай
С небом.

Жду маму

Кот пригрелся у меня
На руках.
За окном луна парит
В облаках.
За окном усталый город
Живёт.
Кот меня толкает лапой
В живот.
Не сидится, не ложится
Одной.
Я бреду понуро к двери
Входной.
Лифт промчался,
Деловито звеня.
Время тикает внутри
У меня .
А пока я у дверей
На часах.
Где-то мама. Тает снег
В волосах.

На троллейбус, на метро,
А потом
Остановка, двор, тропинка
И дом.
Маму лифт берёт на ручки
Уже.
Выпускает на восьмом этаже.
Мы с котом стоим во тьме,
Не дыша.
А над городом висят
Два ковша.
Снег идёт из них
Сердит и колюч.
Можно выдохнуть.
И звякает ключ.